

девушка пригласила их на свадьбу с реальным, а вовсе не придуманным женихом, старики не вынесли удара и друг за другом покинули этот свет. Каждый вправе сочинить для себя сказку, если эта сказка помогает жить, но не стоит вовлекать в нее других — разочарование может оказаться слишком горьким.

В последний раздел книги вошли короткие новеллы самого Элиаса о сегодняшнем житье бигуденцев, его наблюдения, жанровые сценки, диалоги, услышанные в среде крестьян, записанные им разговоры со старыми или молодыми бретонцами. Старики, как правило, жалуются на перемены в привычном деревенском существовании и одиночество. Зарастают давно протоптанные дорожки, деревни опустевают, дети и внуки уезжают в город, а немногие оставшиеся жители уже не ходят, как прежде, в гости к соседям. Молодые же крестьяне стараются приноровиться к новой жизни, к новой технике — и не без выгоды для себя. Наинovelльные рекламные проспекты, зазывающие туристов в Бретань, не обходятся без ярких картинок с символическим трактом на фоне золотого поля и старинных замков.

Однако Элиас своими книгами утверждает: пусть одни поколения сменяются другими и внешний лик земли неузнаваемо преобразуется — сама земля, а значит, и ее законы, которым непреложно подчиняется человек, остаются неизменными. «С плугом или с мотыгой, с трактором или с лошастью — с чем бы вы ни подступились к земле, последнее слово все равно за ней... И до тех пор, пока земля будет оставаться землей, никакому трактору не сладить с кустами роз, что каждое утро расцветают по краю поля. Не знаю, как сказать яснее», — говорит автору старый бигуденец в новелле «Роза и трактор».

Н. ПОПОВА

РОМАН, СОЧИНЕННЫЙ НА ОСТРОВЕ БУРУ

Pramoedya Ananta Toer. Roman Karya Pulau Buru. Bumi Manusia. Jakarta, Hasta Mitra, Penerbit Buku Bermutu, 1980.

Прамудья Ананта Тура. Мир человеческий. 1980.

В 1971 году, когда журналистам впервые позволили посетить исправительную колонию на острове Буру, у сопровождавшего их генерального прокурора Индонезии спросили, разрешено ли заниматься литературным трудом Прамудье Ананте Туру, заключенному третьего отряда. «Он может сочинять сколько хочет, но у него нет карандаша и бумаги», — пошутил прокурор. В 1973 году, через восемь лет после ареста Прама (по подозрению в заговоре с целью свержения законного правительства), последовало распоряжение сверху, и первому прозаику Индонезии в виде особой милости было позволено писать. С тех пор в печать не

раз проникали слухи о том, что Прам¹ много и продуктивно трудится, хотя оставалось неясным, что именно он пишет, пока товарищи по общему согласию обрабатывали за него делянку. Лишь в августе 1980 года, без малого через год после того, как Прамудья Ананта Тур в числе последних амнистированных политзаключенных «группы Б» покинул остров Буру, в магазинах Джакарты появился «Мир человеческий», первая книга тетралогии, написанная в заключении, которое длилось пятнадцать лет².

С волнением берешь в руки эту книгу, выдержавшую четыре издания за четыре месяца, вызвавшую восторженные отклики в индонезийской печати, побудившую вице-президента Индонезии Адама Малика устроить прием в честь Прама и обоих издателей романа, также бывших политзаключенных. Но к волнению примешиваются и некоторые опасения: ведь самые талантливые произведения писателя были опубликованы в конце сороковых — начале пятидесятых годов, а перед свирепой антикоммунистической кампанией 1965—1966 годов, которая обошлась для Прама лишением свободы, он больше выступал в качестве историка, общественного деятеля и публициста, автора резких политических статей, публиковавшихся на страницах возглавляемой им газеты «Бинтанг тимур». Впрочем, опасения исчезают, стоит лишь раскрыть роман.

Он начинается душечным салютом. Седьмого сентября 1898 года Сурабая, крупнейший портовый город Восточной Явы, празднует восшествие на престол юной Вильгельмины, королевы Нидерландов, Нидерландской Индии, Суринама и Антильских островов. В этот же день происходит важный поворот в судьбе подданного и ровесника Вильгельмины — Минке, учащегося привилегированной сурабайской гимназии, куда кроме детей голландских чиновников и коммерсантов совсем недавно начали зачислять и немногих подобных ему отпрысков яванских аристократических семейств. Неожиданное знакомство Минке с туземной семьей богатого голландца Меллемы — с его наложницей Саникем, дочерью Аннелис и сыном Робертом — оказывается не только прологом любовной драмы Минке и Аннелис, но и началом духовного становления героя, первопричиной его будущего столкновения с колониальным обществом, на которое он взирает поначалу глазами, полными надежд.

В первое время изумленный Минке видит в уютном доме Меллемы своего рода прообраз новой Индонезии, приобщенной к западной цивилизации. Тон там задает энергичная и обаятельная хозяйка, безупречно говорящая по-голландски и выписывающая журналы из метрополии, а красавица Аннелис помогает матери управлять усадьбой, превосходно устроенной по западному образцу. Однако очень скоро ста-

¹ Так почтительно и любовно называют писателя в Индонезии.

² По горькой иронии судьбы лучшее из предшествующих произведений Прама — повесть «Семья партизанов» (см. «Красные листья. Восточный альманах. Выпуск восьмой». М., 1980) — было написано в голландской тюрьме, где автор, военкор республиканской армии, пробыл также без суда и следствия два с половиной года, выйдя на свободу только после провозглашения независимости Индонезии.

новится ясно, что внешнее благополучие прячет глубокий разлад в семье: ее номинальный глава — пьяница, а его первенец Роберт — никчемный шалопаи, с враждебным презрением относящийся к матери и сестре. Минке влюбляется в Аннелис, ее мать вызывает у него уважение и горячее восхищение, а они обе, такие одинокие в своем доме, тянутся к серьезному и участливому юноше, яванцу. Он становится частым гостем, а затем и обитателем дома, на воротах которого красуется доска с обманчивым названием «Поместье Беззаботное».

Только тогда узнает юноша всю меру страданий, выпавших на долю гордой и непримиримой Саникем, в ранней юности проданной своим отцом Герману Меллеме, управляющему сахарным заводом. А став мужем Аннелис, Минке уже на собственном опыте познает все несправедливое в колониальных владениях голландской короны на исходе просвещенного девятнадцатого века. Амстердамский суд отнимает у овдовевшей Саникем имущество, отказывается признать брак Аннелис, заключенный в соответствии с мусульманским правом, и отправляет духовно сломленную молодую женщину в Голландию под опеку абсолютно чужого ей человека — сына Меллемы от брошенной им когда-то жены голландки.

Тщетно надеются Минке и Саникем на голландских адвокатов и на те немногие газеты, которые печатают протесты Минке и его друзей. Полиция разгоняет мусульманских священнослужителей, выступающих против решения суда, расправляется с работниками Саникем, которые пытаются защитить молодую чету, и вот уже назначенные властями провожатые уводят из родного дома оцепеневшую и безучастную ко всему Аннелис. «Они одолели нас, мать», — в отчаянии шепчет Минке, и в ответ ему звучат завершающие роман слова Саникем: «Мы боролись, сынок, мы боролись как только могли, и нас не в чем упрекнуть».

Достоверность исторической коллизии и искусно построенный сюжет нового романа Прама производят не меньшее впечатление, чем выведенные в нем персонажи. Особенной органичностью отличается образ Минке, от лица которого ведется значительная часть повествования, а также образ Саникем, рассказывающей историю своей жизни в задумчивом разговоре с дочерью. Но и в тех случаях, когда сами персонажи не раскрывают перед нами свой внутренний мир, почти все они сохраняют индивидуальность, а не рисуются как «типичные представители той или иной общественной группы», чем иногда грешил Прама в конце пятидесятых годов. Писатель скрупулезными изобразительными средствами создает емкие образы одновременно и страшно и жалко в своей алчности отца Саникем, трепетной хранительницы аристократических идеалов — матери Минке, пылкой радикалки Магды Петерс, преподающей Минке голландский язык и литературу, и еще многих других действующих лиц романа. Особенно удаются автору диалоги, насыщенные внутренним драматизмом. Именно они служат основным способом характеристики таких персонажей романа, как

доктор Мартине, юные вольнодумки Сара и Мириам де ля Круа, художник Жан Марз, — европейцев, играющих важную роль в духовном возмужании героя.

Широкий исторический фон, обширный круг действующих лиц, действие, которое переносится из усадьбы Саникем то в патриархальный уголок Сурабаи, где живет Минке, то в резиденцию его знатного отца, то в зал заседаний колониального суда, — все это позволяет надеяться, что «Мир человеческий» окажется началом первого в своем роде романа-эпопеи о становлении индонезийской интеллигенции и ее месте в национально-освободительном движении. Об этом свидетельствует и дальнейший план тетралогии, доведенной до 1918 года — высшей точки общественного подъема в Нидерландской Индии, которому немало способствовал видный яванский журналист и политик Тирто Адисурьо, предполагаемый прототип Минке.

В то же время очевидна и глубинная связь реалистического произведения Прамудьи Ананты Тура с многовековой культурной традицией яванцев. Речь идет не только о прямых сравнениях главного героя с Панджи — галантным царевичем из средневековых яванских сказаний — или об отпечатке, который наложил на блестящие диалоги романа классический кукольно-теневой театр яванцев — ваянг кулит. Гораздо важнее то, что насильственное замужество красавицы Саникем в духе индонезийской мифологической традиции символизирует насильственный союз яванской земли с незванными пришельцами из-за океана, заключенный с благоловением ее малодушных и корыстных раджей. Финал романа перекликается с эпизодом популярной на Яве «Рамаяны», когда Рама не в силах уберечь свою жену Ситу, которая оказывается увезена в заморское царство великанов-ракшасов.

Как будет развиваться действие в дальнейшем, станет ясно из последующих книг тетралогии. А пока можно сказать, что задуманный за несколько лет до ареста, рассказанный в 1973 году соседям по бараку, а в 1975 году переписанный на машинке «Мир человеческий» представляет собой новое слово в индонезийской литературе, которое в состоянии взять за живое как «серьезного», так и массового читателя, столь редко сходящихся во вкусах в нынешней Индонезии.

Б. ПАРНИКЕЛЬ

НЕ ТОЛЬКО ПРО ЛЮБОВЬ

Bel Kaufman. Love. Etc. New Jersey, Prentice Hall, 1979.

Бел Кауфман. Любовь и все остальное. 1979.

Название романа подсказывает: речь пойдет о любви. Ожидание оправдывается сполна. Мы читаем о любви — любви самозабвенной, сча-